

нечный вывод. Новая позиция Агеева только заявлена, но не выявлена. Остается вопросом, как расставался и расстался ли он со своей прежней обезличенностью. А личность и судьба Барановской, так его поразившие, ее суждения о добре и зле, явившиеся тогда откровением для Агеева, открывшийся ему мир Достоевского — как все это сказалось, как развилось в Агееве за сорок лет? И эти вопросы тоже, увы, безответны.

«Василь Быков может написать что-то сильнее, что-то слабее, — размышляя в связи с «Карьером» Игорь Дедков. — Может не уберечься от повторов, воспроизводя логику героического выбора. Может еще в чем-то недобрать своей высоты как художник, но всякая его новая повесть — исключений тут нет — дает, а то и возвращает нам ощущение настоящего в литературе, настоящего и серьезного».

Вернее (и честнее) будет сказать, что «Карьер» есть настоящая, серьезная попытка нового шага — попытка, но не шаг, не открытие читателями нового Быкова.

...И подход старый

Василий Белов своим романом «Всё впереди» сделал назад не шаг и даже не два, а еще больше. Он — павец и творец лада — не сладил с темой, не сладил свою книгу.

Говорить так прямо непривычно, горько, тяжело, просто обидно, но надо. Надо было всегда, а теперь становится совершенно необходимым. Правда, тут требуется не впасть в другую крайность, не начать сводить старые счеты и выплескивать личные пристрастия; требуется, когда говоришь о таланте, судить бережно, а не небрежно. А то читаю сейчас некоторые отзывы, и приходит в голову невероятное: а вдруг да нарочно тот же Белов выставил себя под критический обстрел? Ведь теперь, когда на нем «нообточили зубы», все «стрелявшие» (а то и дорвавшиеся до «пальбы») будут обязаны и всем, и всякому другому сказать столь же горькие и беспощадные слова в случае их неудач, тем паче что у Белова было и есть что за плечами, а у большинства — гораздо меньше или просто ничего.

...Известно, в науке отрицательный результат — тоже результат. Искусство более жестоко — плохую книгу просто

не нужно читать. И все-таки хочется подумать: что же намеревался сказать Василий Белов своей новой книгой, с чем он не сладил?

В. Лакшин справедливо заметил: «Название романа Белова должно бы, по-видимому, читаться с вопросительным знаком: «Всё впереди?» П. Уляшов прочитал книгу менее вдумчиво, этак — «то ли еще будет?!». Такой посыл далек от реальностей, зафиксированных писателем, далек от настроения романа.

Да, Белов увидел в современной действительности много, слишком много реальных опасностей, грозящих личности, обществу и жизни вообще. Увидел в ней очень много зла — и меньше добра, ему противостоящего. Увидел и зафиксировал, что с течением жизни это соотношение не улучшилось, а, к несчастью, ухудшилось.

Да, между двумя частями его романа «прошло около десяти лет», во второй описывается конкретное время — весна и лето 1984-го, — по жизнь беловских героев не стала лучше. И главное зло, их подстерегающее: все бóльшая разобщенность. В семьях, которые распались у Медведева и Зуева, в новой семье Бриша, на работе у Иванова... Причины тому, понятно, различны, но за всеми Белову видится общий корень — наступление мнимого прогресса. Белова оно пугает своей явной неотвратимостью, тем более что прогресс этот кажется ему не только мнимым, но и неестественным, внедряемым со стороны. Где писатель здесь излишне пугается сам и пугает других, где путается, а где действительно прав — решить трудно, а чаще и невозможно, поскольку намеки в романе многочисленны и многозначительны, но какое и чему придается значение — не разгадать. «Мне, как и Белову, — писал В. Лакшин, — не нравятся некоторые из особенностей новейшей цивилизации... Но найдена ли автором на все это какая-то более высокая точка зрения?»

Верно, основательной точки опоры у писателя в своих опасениях («Что же нас ждет впереди?») не нашлось, соотношение «особенностей новейшей цивилизации» в его изображении выглядит крайне произвольным. Как говорится, дай-то бог, чтобы здесь Белов по-настоящему ошибался...

Воплощать этот неприемлемый прогресс в романе призван Бриш. Прилепившаяся к нему со школы репутация

«идущего впереди» должна, видимо, выражать ироническое, если не саркастическое отношение автора к своему герою (равно, как и другие прозвища, которыми не случайно, смею думать, наделены и другие главные персонажи Белова). А противостоять ему призваны трое: незаурядный Медведев с кличкой «предсказатель событий», заурядный Иванов по прозвищу «жаждущий справедливости» и вовсе никакой Зуев. Но противостоять Бришу они не способны: во-первых, слишком простодушны, во-вторых, действительно разобщены, и чем далее, тем более, — и оба эти обстоятельства негословны и немало тревожны. Но главным образом оттого они редко и малоубедительно возражают Бришу и при этом совсем мало что выражают, что сбиты в романе все трое на одну колодку да еще и почти бесплотны, как, впрочем, и Бриш.

Роль же истинного «прогрессиста» Белов отдал младшему научному сотруднику Жене Грузю, гибнущему в середине романа от нелепой аварии. «Мы все не годились ему в подметки, — горячится Медведев. — Два! Целых два старых пер... выехали на пем. Один прямо в лауреаты, другой в академики! Он бы... он бы выволок в членкоры еще столько же дураков!» Это Грузь выражает решающее авторское убеждение: «Одна лишь ясность ума, паше мужество и жажда добра помогут нам выстоять среди лжи и страданий. Но прежде надо сбросить с глаз пелену иллюзий. Давай же попробуем отодрать ярлык мнимого оптимизма, который жизнь так коварно приклеила нам! Ведь нам все еще кажется, что все впереди...»

Если бы только в романе это убеждение было по-настоящему, серьезно выражено, изображено, воплощено!

Кстати, о серьезности первоначальных замыслов Василия Белова говорит, по-моему, и такой на первый взгляд противоположный факт: в его книге очень много случайных, неоправданных катастроф, смертей, других катаклизмов. Гибнет Грузь, калечится Зуев, «необычно» умирает зять Иванова, самого Иванова бьют ночью по голове, невиданный в Подмосковье смерч таков, что «людей будто бы рвало на части»... Раньше бы к подобному набору следовало отнестись скептически, если не с ехидной усмешкой. Однако сейчас, после Чернобыля, после «Адмирала Нахимова», после множества других перекликающихся газетных сооб-

щений, такая концентрация несчастий уже воспринимается как веское свидетельство правдивости авторского настроения.

Но почему же тогда роман, на мой взгляд, все-таки не состоялся? Только ли оттого, как пишет В. Лакшин, что «уже в замысле был некий изъян, губительно сказавшийся на всем характере вещи. Яростная предвзятость, резко пристрастное отношение к изображаемым лицам мало способствуют объективности художника и вредят впечатлительности».

И. Золотусский развивает эту точку зрения: «...перекадывая вину на город, на мировую цивилизацию, на машину и машинную культуру, Белов перекашивает пропорции в картине. Он как бы видит одну ее часть и не видит другой. Он просто не смотрит туда, куда ему не хочется смотреть. Вот отчего «перекашивается» его язык. Вот отчего его роман приобретает прокурорские интонации. «Юнкер, ты сердисься, — хочется сказать Белову, — значит, ты не прав» («Отчет о пути» — «Знамя», 1987, № 1). Критик указывает на конкретные художественные просчеты, проистекающие из такой позиции писателя: «Философия «бесовства» остается за порогом романа. Рассуждения о боге, о дьяволе, о мировом зле обрываются на полуслове. И весь роман — это полуслово, недоговоренное слово, недопроявленная фотопленка... Белов посягает на такое противопоставление, как противопоставление культуры и цивилизации. Так и углубляйся в эту мысль, доводи до «краев» ее... Но ни автор, ни его герои не готовы к этому — на философский спор у них не хватает дыхания».

В этих наблюдениях обоих критиков все верно. Но, думается, Белов не сумел сладить свою книгу и потому еще, что писал ее по-старому, писал с оглядкой, боялся воплотить и выразить то, как он — пусть предвзято, пусть пристрастно — понимал жизнь. Боялся — и разладился, и вольно или невольно ограничился непонятными, малозначащими, невыразительными намеками.